

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-203-216

Научная статья

Образ врага в русской фразеологии и паремиологии

В.М. Мокиенко

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

✉ mokienko40@mail.ru

Аннотация. Интенсивность современных исследований, посвященных реконструкции языковой картины мира и лингвокультурологии, обусловила интерес к таким концептным оппозициям, как «друг» – «враг». Цель исследования – многоаспектный семантический анализ концепта «враг», проведенный на максимально полном русском фразеологическом и паремиологическом материале, представленном в словарном трехтомнике. Отмечается, что в корпус этих паремиологических словарей вошли как классические собрания русских пословиц и поговорок, так и извлечения из новейших диалектных словарей и записи самих составителей. При таком подходе концепт «враг» получает детализированную характеристику с учетом всего набора паремиологических вариантов. Тем самым обеспечивается возможность структурно-семантического моделирования анализируемой паремиологии, благодаря которому выявляются доминанты концепта «враг». Одна из задач анализа – определить, в какой мере и каким способом семантические характеристики лексемы «враг» и некоторых ее синонимов реализуются в составе паремий трех типов – устойчивых сравнений (компаративов), поговорок (resp. фразеологизмов) и пословиц. Выявленные семантические доминанты коррелируются с характеристиками концепта «враг» в толковых словарях. Предложенный анализ показывает, что концепт «враг» и представленные им лексемы составляют активную часть фразеологического и паремиологического фонда русского языка. Слово «враг» (ворог), образующее основную часть этого фонда, сохраняет древние семантические импульсы и актуализируется в русских паремиях. При этом семантические характеристики соответствующего лексикона во многом определяют коннотативный и аксиологический потенциал пословиц и поговорок. В то же время количественно и качественно они представлены в них по-разному. С одной стороны, такие различия наблюдаются в трех разных группах русской паремиологии: в составе устойчивых сравнений они относительно немногочисленны, в качестве компонентов фразеологизмов семантически избирательны, как образные доминанты пословиц чрезвычайно активны и многоаспектны. Их образность, воспроизводящая как древнюю, так и современную семантику и коннотативность этого концепта, позволяет реконструировать яркий и многомерный «образ врага» в зеркале русского языка.

Ключевые слова: концепт, друг, враг, фразеология, паремиология, пословица, поговорка, структурно-семантическая модель паремий, русский язык

История статьи: поступила в редакцию 06.11.2021; принята к печати 18.12.2022.

© Мокиенко В.М., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс»).

Для цитирования: *Мокиенко В.М.* Образ врага в русской фразеологии и паремиологии // *Русистика*. 2022. Т. 20. № 2. С. 203–216. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-203-216>

Введение

При интенсивности современных исследований, посвященных реконструкции языковой картины мира и лингвокультурологии, такие концептные оппозиции, как «друг» – «враг», естественно, не остались без внимания лингвистов (Н.Н. Балабас, О.М. Лунцова, В.Ю. Орлова, О.Е. Похаленков, Й. Кириллова, К.Н. Капитанова и др.). Положительному полюсу этой оппозиции, как нам кажется, уделяется большее внимание (Мокиенко, 2021), чем отрицательному. Но и концепт «враг» стал объектом анализа на материале разных языков. Чаще всего он рассматривается именно в контексте названной оппозиции. Так, на французском материале Н.Н. Балабас раскрывает смысловое содержание вербальных средств выражения ключевых и универсальных концептов *amitié* (дружба) и *hostilité* (вражда), которые автор справедливо относит к универсальной антропоцентрической парадигме (Балабас, 2010). О.М. Лунцова предлагает сопоставительный лексико-фразеологический анализ градиент-концепта «дружба – мир – вражда» в русской и английской лингвокультурах (Лунцова, 2007). В.Ю. Орлова интересуется языковая реализация концепта «враг/enemy» в английском языке на фоне русского (Орлов, 2013). Для О.Е. Похаленкова (Похаленков, 2011) концепт «враг» становится ключевым при характеристике контактных связей и типологических схождений в творчестве Э.М. Ремарка и советской «лейтенантской прозе» 1950–1960-х гг. Развернутую характеристику концептов «друг – враг» в болгарской языковой картине мира на паремиологическом материале предлагает Й. Кириллова (Кириллова, 2013). К.Н. Капитанова демонстрирует дидактические возможности реализации концепта «враг» в школьной практике, используя собрание В.И. Даля «Пословицы русского народа».

Слово «враг» ‘беспощадный противник, непримиримый недруг, безжалостный супостат, вступающий в военные действия лично против субъекта’ привлекает внимание лингвистов и лингвокультурологов как прямолинейный опозит лексеме «друг». Не случайно ему уделено особое место в «Словаре русской ментальности» В.В. Колесова, где, как видно из приведенной дефиниции, враг толкуется с помощью синонима «недруг». Здесь же предлагается и развернутая характеристика этого концепта, маркирующего специфику русского менталитета: «Как средоточие злости (изверг), расширительно отождествляется со всем мировым злом (противник рода человеческого, дьявол, сатана). Враг не статичен по отношению к субъекту как противник, но проявляет себя в действии и требует ответного действия, в отличие от оценочно нейтрального неприятеля являясь объектом эмоционального отношения (от страха до ненависти, вражды) и оценки (вражина). В то же время

Враг может лицемерить и надевать личину друга, поэтому человек всегда должен быть осторожен („что не должен знать враг, не говори другу“) и не поддаваться на обман („если враг кажется мышью, смотри на него как на льва“»). Далее (со ссылкой на М.М. Маковского) отмечается, что понятие «враг» соотносится с понятием «потусторонний, находящийся на периферии», что коррелирует его с понятием «волк», также восходящим к понятию «чужой».

Семантическая эволюция слова «враг», по мнению В.В. Колесова, отражена в нашем языке хронологически: др.-рус. из ст.-сл. В значении ‘ненавидный, враждебный’ – ‘черт, враг (рода человеческого)’ (1037) и ‘противник, недруг’ (XII в.) при русской форме «ворог» ‘противник’ (1095), ‘недоброжелатель’ (1147) или ‘злодей’ (1175), а впоследствии ‘колдун’ (ворожит). В современном же русском языке значение этого слова обрело определенную расширительность: ‘о принципиальном противнике’, ‘о том, кто приносит зло’ (ср. диал.: врагун, врагуша ‘враг, недоброжелатель, недруг’). Петербургский историк языка приводит и целый ряд эпитетов, ярко подчеркивающих актуальную негативную оценочность слова «враг»: «безжалостный, бессильный, внешний, внутренний, дерзкий, злейший, злой, кровный, лукавый, лютый, наглый, невидимый, непримиримый, принципиальный, подлый, убежденный, хищный, яростный». К этому ряду можно добавить и ставшее устойчивым словосочетание «заклятый враг» – ‘вековечный, непримиримый’, непримиримость к которому скреплена ритуалом заклинания, заклития. Отсюда – оксюморонность современных шутивно-иронических выражений «заклятый друг» и «неразлучный враг».

Цель исследования – показать, как намеченные В.В. Колесовым и описанные в толковых словарях семантические доминанты лексемы «враг» и ее синонимов отразились в русской фразеологии и паремиологии. Тем самым предлагается многоаспектный семантический анализ концепта «враг» на максимально полном русском фразеологическом и паремиологическом материале. Одна из задач анализа – определить, в какой мере и каким способом семантические характеристики лексемы «враг» и некоторых ее синонимов реализуются в составе паремий трех типов – устойчивых сравнений (компаративов), поговорок (resp. фразеологизмов) и пословиц.

Методы и материалы

Материалами для исследования послужили пословицы, поговорки и устойчивые сравнения, зафиксированные в трехтомном паремиологическом словаре, редактором и одним из составителей которого был автор статьи. В корпус этих паремиологических словарей вошли как классические собрания русских пословиц и поговорок, так и извлечения из новейших диалектных словарей и записи самих составителей. Количественно этот материал в семь раз превышает словник классического собрания В.И. Даля «Пословицы русского народа» и насчитывает в целом около 300 000 паремий. Такой материал соответствует принципу лексикографической полноты, сформулированному Б.А. Лариним (Мокиенко, 1999), и обеспечивает системность лингвистического анализа. В исследовании применялись сравнительно-исторический,

лингвокультурологический и лингвокогнитивный методы. Особое внимание уделено методике структурно-семантического моделирования паремий, разработанной автором статьи (Мокиенко, 1989).

Результаты

В результате комплексного исследования концепт «враг» получает детализированную характеристику с учетом всего набора паремиологических вариантов, обеспечивающего возможность структурно-семантического моделирования анализируемой паремиологии. Благодаря такому подходу выявляются доминанты концепта «враг». Анализ показывает активность и динамизм паремиологии, характеризующей концепт «враг». Лексемы, номинирующие этот концепт, сохраняют древнюю праславянскую семантику, которая получает в паремиологической системе креативное развитие и особую коннотативность. При этом анализ демонстрирует существенные количественные и качественные различия в трех структурно-тематических группах русской паремиологии – устойчивых сравнениях, поговорках и пословицах. Общим для этих групп при этом остается их аксиологическая доминанта – негативная оценочность концепта в паремиологическом воплощении.

Обсуждение

Глубокое погружение в этимологию слова «враг» позволяет выявить диахроническую последовательность филиации его значений. Показательно, что этимологические словари восточнославянских языков помещают слово «враг» под его полногласным вариантом «ворог» (вораг), считая (как увидим, справедливо) неполногласную форму «враг» старославянским заимствованием (врагъ). Значения его в славянских языках в целом обнаруживают сходство, характеризуя человека, противопоставленного «другу», но в некоторых из них допускают конкретизацию, обозначая ‘убийцу’: рус. устар. и разг. и укр. *ворог* ‘недруг, злодей’, бел. *вораг*, пол. *wróg* ‘враг’, чеш., слвцк. *vrah* ‘убийца’, в.-луж. устар. *wróh*, болг. *враг* ‘недруг’, макед. *враг* ‘черт, дьявол’, словен. *vróg* ‘черт, дьявол’, ст.-слав. *врагъ* ‘враг, дьявол’. Все они восходят к прасл. **vorgъ* ‘враг, злодей’ – вероятное производное от глагола **vьrgati* ‘бросать, кидать’, родственное лит. *vargas* ‘горе, беда, злыдни’, латыш. *vargs* ‘слабый, напрасный, причиняющий зло’ и др. В основе этих слов, возможно, лежит и.-е. корень **urg* – ‘преследовать, бросать, мучить’. Поскольку и.-е. **urg* (*ureg*) значило и ‘гнать’, то исходное значение прасл. **vorgъ* реконструируется и как ‘изгнанный из рода, выброшенный, извергнутый’ – ср. ст.-сл. *извергъ* и рус. *изверг* и фразеологизм «изверг рода человеческого» (Трубачев, 1959: 176).

Некоторые этимологи считают прасл. **vorgъ* заимствованием из германских языков: др.-норв. *vargr*, швед., норв., датск. *varg* ‘волк’. А др.-норв. *vargr* и др.-англ. *wearg* обозначало также преступника, разбойника, злодея. При этом др.-сакс. и др.-верхн.-нем. *warg* ‘разбойник, преступник’ восходит к готск. *ga wargjan* ‘проклинать’. Следовательно, такой ‘злодей, убийца человека’ провозглашался «волком на священном месте», то есть нигде не желанным, проклинаясь существом, отвергаемым людьми, к которому люди имели право относиться как к волку, попавшему на священное место. Отсюда понятно, что

у славян «враг» был не только ‘убийца’, но и вообще – ‘недруг, неприятель’. В германских языках слово было табуизировано. Признает связь этого слова с др.-норв. и другими германскими языками в значении ‘волк’ и автор словенского этимологического словаря, реконструируя исходную семантику для прасл. * *vogǫ* ‘мучитель, палач’. По мнению автора хорватского этимологического словаря, о том, что прасл. * *vogǫ* имело исходное значение ‘недруг, который убивает, убийца’, свидетельствует прасл. **vraǫьda* (по модели **pravьda*, **krivьda*), которое обозначало кровную месть, круговое убийство, когда собирались все старейшины на суд за пролитую кровь убитого родственника и определялась плата за такое преступление, поэтому слово **vraǫьda* в разных славянских языках развило значения ‘убийство’ или ‘отношения и действия, проникнутые неприязнью, взаимной ненавистью’. Значение же ‘дьявол’ прасл. * *vogǫ* получило лишь с приходом христианства. Ср. также ум. форму от укр. ворог – вражена, вражча ‘чертенок’.

Как видим, исходное семантическое ядро слова «враг» с древнейших времен достаточно синкретично. Собственно, и в русском языке дифференциация его значений невелика. Так, толковый словарь под редакцией Д.Н. Ушакова выделяет пять значений, причем первые три из них достаточно близки друг к другу: «1. (как о мужчине, так и о женщине). Человек, борющийся за иные, противоположные интересы, противник. Классовый враг. Идеальный враг // Недоброжелатель, человек, стремящийся причинить вред. После этой ссоры мы стали врагами на всю жизнь. 2. только ед., собир. То же, что неприятель (во 2 знач. (воен. ритор.)). Человек, враждебно, неприязненно относящийся к кому-чему-н. Враг перешел нашу границу. 3. Все, что приносит вред, неприятности, зло. Язык мой – враг мой. Вино – его враг. 4. чего. Ненавидящий что-л., чувствующий отвращение к чему-н., противник чего-н. Я – враг спиртных напитков. 5. Дьявол, черт (церк. и прост.). Враг попутал». Близка к этому и филиация значений слова «враг» в современном толковом словаре под редакцией С.А. Кузнецова.

«Семантический диапазон, характерный для лексемы „враг“, в разной степени свойственен и некоторым ее синонимам, количество которых довольно значительно: антагонист (книжн.), ворог (народн.-поэт.), вражина (разг.), недруг, противник, супостат (устар.), супротивник (устар.). 1. зложелатель, злопыхатель, недоброжелатель, недоброхот (устар.), ненавистник, *противная сторона (разг.). 2. недруг (народн.-поэт.), неприятель, *военный противник. 3. см. дьявол. Враг попутал; враг рода человеческого» (Кожевников, 2009: 104).

Известно, что в составе фразеологизмов и пословиц их словные компоненты семантически избирательны. Часть из них сохраняет – точнее даже консервирует древнейшие значения той или иной лексемы, другая – вписывает в состав воспроизводимых единиц общеизвестные значения, а часть – развивает свои собственные фразеологические и паремиологические коннотации. Избирателен здесь и тот набор синонимов компонента, ставшего стержнем фразеологизмов и паремий.

Посмотрим, какой семантический диапазон имеют интересующие нас языковые единицы с компонентом «враг» и некоторые ее синонимы.

Образ врага в русских устойчивых сравнениях

Компаративная фразеология использует «образ врага» выборочно – лишь в двух значениях слова «враг», отмеченных словарями, а именно – в первом и пятом.

В первом значении это характеристика человека, который борется за иные, чем у противника и вредоносного недоброжелателя, интересы, отражена в семи сравнениях (в неполногласной и полногласной форме): *как враг, смотреть/посмотреть на кого как на врага народа; услужливый дурак опаснее врага* (последнее сравнение представляет собой цитату из басни И.А. Крылова «Пустынник и медведь», пословица вошла и в собрание В.И. Даля); *добивался что города, избываю что ворога, лошадь холь (корми) как сына, а берегись как ворога; биться как вороги; (делать что) как вороги* [лютые].

В пятом значении лексема как номинация дьявола, черта более востребована в народных сравнениях, что можно объяснить более высокой квотой образности в этой семантике по сравнению с оценивающим, но безобразным значением 'враг': *гудеть как враг (кричать как враг); как враг наторочил кому что* (букв. «как черт предсказал (нагадал, надоумил)»); *кричать (орать) как враг; трясоголовый как враг* (трясоголовый – 'болтливый'); *худющий как враг*.

Ср. также выражения с производными слова «враг» в этом же демонологическом значении «вражененок» – чертенок и «вражина» – нечистая сила: *(ребятишки) как враженята; как вражина; будто ворогуша кого подхватила*, где ворогуша – лихорадка.

Устойчивые сравнения образуются и с синонимами слова «враг». Так, компонент недруг входит в состав однотипных пословиц исключительно в первом значении – 'противник, вредоносный недоброжелатель': *в недруге стрела как копьё; в недруге стрела как во пне; в недруге стрела что (как) во пне, а в друге [стрела] – что (как) во мне*. Выражения имеют общее значение восприятия своей и чужой боли.

Компонент «противник» зафиксирован лишь в значении, синонимичном значению «враг» 'черт, бес, дьявол' в одном диалектном компаративе: ругаться противником 'бранясь, употреблять слова'. Своеобразной серией диалектных устойчивых сравнений, отражающих «образ врага», являются обороты с компонентами «сведенцы», «сведенки», «сведеньши» 'сводные дети', «сведеник» 'сводный сын или брат'. Все они отталкиваются лишь от первого значения синонима слова «враг» 'противник, вредоносный недоброжелатель': *сидеть [молча] как сведенцы; Что вы точно сведенцы!* (фраза, когда мать разнимает детей, когда они начинают браниться); *терпеть друг друга не могут как два сведеника; браниться будто сведеники; жить как сведеники* и др. Характерно при этом, что одно из таких сравнений прямо семантизируется с помощью слова «враг»: *аки свиденцы*.

Образ врага в русских фразеологизмах (resp. поговорках)

Компонент «враг» и его синонимы развивают в составе некомпаративной фразеологии более разнообразные, иногда диффузные и насыщенные экспрессией значения. Нами выявлено пять значений:

1. Характеристика человека, борющегося за что-либо противоположное интересам противника, отражена в 21 фразеологизме. При этом такая семан-

тика без дополнительных коннотаций воспроизводится, пожалуй, лишь в одном из них: *врагу не пожелаешь* ‘народн. неодобр. о чем-л. очень плохом, скверном’. Ряд других называет политические реалии: *враг народа* ‘полит., разг. политический преступник в годы репрессий’; по этой же модели в уже другом времени и иной политической ситуации образовано выражение «враг перестройки» ‘публ. неодобр. противник изменений в обществе’; *образ врага* ‘публ., полит. совокупность насаждаемых пропагандой представлений о ком-л., о чем-л. как о чуждой силе, представляющей опасность’.

Некоторые из таких оборотов в современном диалектном и социолектном узусе претерпевают карнавализацию, становясь шутивно-ироническими характеристиками бытовых явлений: *враги народа* ‘селигер. бран. о разбежавшихся курицах’; *враг народа* ‘жарг. мол. шутол. то же, что враг детей’; *враг детей* ‘жарг. мол. шутол. презерватив’.

Шутивно-ироническое преобразование некоторых свободных словосочетаний приводит и к возникновению фразеологических жаргонизмов: *партизаны в тылу врага* ‘жарг. шк. шутол.-ирон. ученики в учительской’; *в тылу врага* ‘жарг. шк. шутол.-ирон. о сидящих на первой парте’, ‘жарг. шк. об ученике в учительской’, ‘жарг. арм. ирон. о солдатах в самовольной отлучке из части’.

2. Характеристика человека, враждебно, неприязненно относящегося к кому-чему-н., отражена в 2 фразеологизмах, имеющих военно-риторическую окраску. Один из них – устаревший, восходящий к Библии (1 Кор. 15.25): *положить вся враги под ногама своими* ‘устар. победить врага’. Второй – диалектный, но, возможно, также навеянный старообрядческими библейскими реминисценциями: *враг-супротивник* ‘Низ. Печора. Противник, враг, неприятель’.

3. Реализуется фразеологическими средствами и значение ‘все, что приносит вред, неприятности, зло’: *белый враг* ‘публ. соль’, ‘сахар’.

4. Близки по стилистической тональности к перифразам 3-го типа и обороты, где слово «враг» имеет значение ‘ненавидящий что-л., чувствующий отвращение к чему-н., противник чего-н.’: *враг бутылки* ‘разг. шутол.-ирон. трезвенник’; *враг солдата* ‘жарг. арм. шутол. водка’. Последний оборот – результат семантической конденсации поговорки «Водка – враг солдата, а солдат врагов не боится».

5. Самым активным во фразообразовательном отношении в народно-просторечной сфере является демонологическое значение ‘дьявол, черт, нечистая сила’: *враг дернул за язык кого* ‘прост. неодобр. о чем-л. сказанном необдуманно, некстати’; *враг знает что, кого* ‘сиб. ничего неизвестно о чем-л., о ком-л.’; *враг креста Христова* ‘пск. (1607) о сатане, дьяволе’; *не подстереги враг лихого слова* ‘прост. не сглазить бы, не навлечь беды’; *сопленосый враг* ‘перм. бран. (1967) о грязном, неопрятном и злобном человеке’ и др.

Только к этому последнему демонологическому значению относятся и диалектные фразеологизмы с производными слова «враг»: *ворогуша* ‘нечистая сила’, ‘лихорадка’ и *вражонок* ‘бесенок, чертенок’: *ворогуша несет (принесла) кого* ‘новг. неодобр. о нежелательном приходе кого-л.’; *ворогуша носит кого* ‘новг. неодобр. о проказнике, хулигане’; *ворогуша проклятая* ‘смол. бран. о неприятном, приносящем зло человеке’; *Как бы у тебя не уши, был бы*

ты вместо ворогуши ‘арх. шутл-ирон. (1877). поговорка о старой и недоброжелательной женщине’; *вражонок попутал кого* ‘вят. неодобр. кто-л. поддался соблазну сделать что-л. предосудительное’ и др.

Такие диалектные фразеологизмы с компонентом-производным от слова «враг» в полногласной форме, как кажется, позволяют опровергнуть утверждения некоторых этимологов, приведенные выше, о книжном, старославянском источнике демонологического значения слова «враг», «ворог». Не случайно именно оно весьма активно востребовано в сербской и хорватской фразеологии с компонентом «враг». Скорее всего, и эта семантика – наследие древнего праславянского этимона *vorgъ.

Образ врага в русских пословицах

Образ врага наиболее ярко, множественно и диалектично представлен в паремиологии. Компонент «враг» и его синонимы в составе пословиц полифонично отражают как коннотативную оценку этой лексемы, так и дидактические истины, характеризующие отношение к недругам и возможности борьбы с ними.

Враг. Характеристика человека (коррелирует с первым значением из словаря под редакцией Д.Н. Ушакова), борющегося за иные, чем у противника и вредоносного недоброжелателя, интересы, в зеркале паремиологии многогранна и детализирована. Наметим ее общие семантические контуры.

1. Враг (ворог) последовательно выступает как отрицательный антипод друга. При этом, однако, парадоксально, но факт: положительная оценка друга в этой оппозиции представлена лишь ограниченным числом пословиц: *Не щади врага – сбережешь друга; Чем врагу яму рыть – построй дом другу; Враг врага всегда друг.*

Паремиологическая мудрость и здесь диалектична, ибо далеко не всегда можно с уверенностью определить границу между истинным другом и врагом: *Где враг, где друг, не узнаешь вдруг.* При этом большинство пословиц в этом оппозиционном «тандеме» выражает такое же (если не большее) недоверие к другу, как и к врагу (ворогу): *Самый опасный враг – это твой друг; Не бойся врагов нападающих, бойся друзей, льстящих тебе; Нет заклателей (опаснее) врага, как обиженный друг; Лучшие иметь откровенного врага, чем лживого друга; Что враг, что плут – только в земле тебе друг; Лучшие умный враг, чем глупый друг и др.*

Ср. также ряд пословиц, где концепт «друг» не выражен соответствующей лексемой, а представлен имплицитно: *Не тот враг, что перед тобой, а тот, что за спиной; Домашний враг сильнее всего; Тайный враг опасный самый; Тайный враг страшнее явного; Враг не тот, кто говорит, а тот, кто предаст; У счастливого врагов много; Ворогу – коровушку, доброту – две (где доброт – доброхот).*

Недруг как синоним слова враг столь же активен как компонент пословиц, хотя частотность его семантических характеристик неодинакова.

Так, слово «недруг» последовательно выступает как отрицательный антипод друга. В отличие от оппозиции компонентов «враг» – «друг», где последний ее член представлен чаще негативно, здесь положительная оценка друга эксплицирована очень большим числом пословиц. В таком «тандеме»

характеризуются конкретные нюансы противопоставлений этих двух концептов: *У друга лучше пить воду, чем у недруга – меду; Жить было с другом, да помешал недруг; Друг терем ставит, а недруг гроб ладит; Друг – целый клад, недругу никто не рад; На службе – ни друга, ни недруга; Друг научит, недруг проучит; Друг спорит – недруг поддакивает; От друга отстал, а к недругу не пристал; Бедный знает и друга, и недруга; Другу и недругу закажу, и сам вперед не стану; И сам зарекусь (закаюсь), и другу и недругу закажу; У счастливого умирает недруг, [а] у несчастного друг.*

Единственным исключением в такой четкой аксиологической оппозиции является, пожалуй, пословица «Дай Бог недруга, да умного; а друг да дурак – наплачешься с ним!»

2. В ряде пословиц актуализируется значение безжалостности как свойства врагов: *Врага в слезах не утопишь; Врага лаской не возьмешь; Когда враг берет за ворот, то собака хватает за полы.*

То же значение отражено и в пословицах с синонимом слова «враг» – недруг: *Кручиною поля не изъездишь, а недруга слезами не утетишь; Дорога добра не выкупишь, а недруга слезами не утетишь; Что у меня болит, то у недруга не свербит; Сердцем копыя у недруга не переломишь; Зябнет сердце, видя недруга во лбе; Зябнет сердце, видя недруга своего.*

3. В некоторых пословицах подчеркивается необходимость решительно бороться с врагами всеми способами: *Чем сильнее враг, тем крепче держи кулак; Коль встал на врага, не жалей кулака; На врага злоба до гроба; Врага пощадить – в беду угодить; Что с врагом, что с ослом один разговор – батогом.*

В том же значении используется в составе пословиц и синоним слова «враг» – недруг: *Хотя себе досадить, а недруга победить; С недруга хоть шапка долой; Хребтом гоняя недруга, устал; Нахвалу недруга берегись.*

4. В пословица воплощается представление о том, что враги коварны, хитры и лживы; их надо хорошо знать и не доверять им: *У врага змеиная злоба – поглядывай в оба!; У врага ищи камень за пазухой; Врага лучше знать в лицо; Надо всем знать, как врага распознать; Учиться надо и у врага; От врага не жди пирога; Врагам не прощай, людям не завидуй; Не всяк враг, кто тебя опоганил и др.*

В том же значении используется в составе пословиц и синоним слова «враг» – недруг: *Вояка кормленный, да недруг примиренный – не надежное; Ведаючи недруга, не по что в пир ходить; Знаючи (Знавши) недруга – не почто в пир и др.*

5. Ряд пословиц акцентирует внимание на том, что все враги опасны, как сильные, так и слабые: *Все враги опасны; И слабого врага надо опасаться; Маленький враг – большая беда; Остерегайся врага, будь он хоть с муравья; Не бойся врага умного, [а] бойся врага глупого.*

6. Нужно помнить, что особо опасны враги, которые кем-либо возвращены и выпестованы: *Вспоил, вскормил на себя ворога; Без поя, без корма ворога не увидишь; Не вспоив, не вскормив, врага не наживешь; Не напоишь, не накормишь – врага не наживешь. Ср. пословицу с компонентом «недруг»: Не поя, не кормя недруга не наживешь.*

7. Одной из народных мудростей, воплощенных в пословицах, является утверждение «верный способ нажить врагов – дать им деньги взаймы»: *Если хочешь врага нажить – дай денег взаймы; Если хочешь врага нажить, так дай в долг денег!; Хочешь заиметь врага – дай в долг и др.*

8. В то же время пословицы гласят, что с врагами возможно примирение: *Помиришь с врагом – легче жить потом; Трех ворогов не держи себе, а с двумя помиришь.* Такие пословицы созвучны с одним из евангельских принципов: *Не мѣщай врагу; Не мѣщай врагу: пожди Господа, да ти поможетъ.* Ср. аналогичные пословицы с компонентом «недруг»: *Еще станешь беситься, когда не умеешь с недругом ужиться; Не вреди и недругу (и недруга).*

9. В то же время нужно помнить, что никто не бывает врагом самому себе или своим близким: *Сам себе никто не враг; Кто сам себе враг, кто злодей?; Сам себе ворог, что без денег в город и др.*

10. Враждебной человеку может быть и глубокая старость: *Долго живешь – врагом умрешь.*

Характеристика человека, враждебно, неприязненно относящегося к кому-чему-н. (коррелирует со вторым значением из словаря под редакцией Д.Н. Ушакова) получает в пословицах военно-риторическую стилистическую окраску, при этом актуализируются следующие значения:

– врагов-неприятелей нужно бить коллективом, объединяясь: *Один ворога не побьешь; Враг боек, да наш народ стоек; Если враг у ворот, за воротами весь народ;*

– с врагом необходимо расправляться безжалостно: *Бей врага не в бровь, а в глаз – таков народа наказ; Бей врага гранатой, пулей и лопаткой; Врагов не считают – их бьют; Когда бьют врагов, не надейся на Богов; Если враг не сдается – его уничтожают; Врага не бить – живу не быть; Лучшие врага бить, чем битым быть; Бей по врагу на каждом шагу и др.*

Заметим, что большинство этих пословиц в силу их риторичности навеяны патриотическими настроениями времен Великой Отечественной войны. Не случайно их источниками являются паремиологические сборники послевоенного времени. Некоторые из них даже маркированы соответствующим именословом, например: *Гони и бей врага, как бил Чапай; Громи врага по-советски, бей врага по-молодецки; Всем врагам отпор будет дан, как у озера Хасан.*

Близки к типу пословиц с патриотической стилистикой и пословицы с компонентом «недруг»: *Сбруя добра при рати, чем [бы] недруга попрали; Сбруя при рати недруга карати:*

– поражение врага неизбежно: *Собрался враг пировать, да пришлось ему бежать; Враг хотел пировать, а пришлось горевать; Как враг ни пыжится – будет ему ижица; Русский бьет, где враг не ждет и др.;*

– близкий коварный и скрытый враг опаснее дальнего неприятеля: *Грозен враг за горами, а грозней за плечами; Открытый враг – к победе шаг.*

Соотношение с третьим значением слова «враг» из словаря под редакцией Д.Н. Ушакова представлено только в двух пословицах: «Язык мой – враг мой» и «Лучшее – враг хорошего». При этом первая пословица представлена в литературном языке и народной речи в разных вариантах, например: *Язык мой – враг мой; Язык мой – враг мой: прежде ума моего рыщет и др.*

Вторая поговорка фиксируется лишь в последнее время, причем в первом словаре приводятся только современные контексты (Б. Поплавский «Аполлон Безобразов» и «Час пик»).

«Дуэтность» поговорок с абстрактным значением слова «враг» – знак их «нерусскости». И действительно: историко-этимологический экскурс позволяет доказать, что они – кальки с европейских паремий.

Сама высокая назидательная стилистика первой поговорки выдает ее книжное происхождение. В то же время обилие вариантов свидетельствует о том, что она успела давно укорениться в русском языке. Это и понятно: ведь источник поговорки – Священное Писание. М.И. Михельсон приводит целый ряд библейских афоризмов, «подсказавших» ее рождение в русском языке: *Уста глупого – близкая погибель; Язык глупого – гибель для него; Кто даст мне стражу к устам моим и печать благоразумия на уста мои, чтобы мне не пасть чрез них и чтобы язык мой не погубил меня!* и др. Именно соотнесение с такими предложениями позволяет признать его статус как библеизма.

Судьба второй поговорки в русском языке несколько иная. Как мы видели, она активизировалась в последнее время. Любопытно, что в начале прошлого века ее зафиксировал в форме «Лучшее есть враг хорошего» М.И. Михельсон, но – в отличие от большинства словарных статей его двухтомника – в этой словарной статье нет ни одного контекста, что может свидетельствовать о том, что это была свежая (может быть даже авторская) калька с европейских языков. Тем более, что сам М.И. Михельсон их и приводит: нем. *Das Bessere ist oft des Guten Feind* (букв. «Лучшее – враг хорошего»); англ. *Striving to better, oft we mar what's well* (букв. «Ища лучшее, часто ухудшаем (теряем) хорошее». В. Шекспир «Король Лир»); фр. *Le mieux est l'ennemi du bien* (Вольтер); итал. *Il meglio è il nemico del bene* (Бокаччо). Они восходят к латинской поговорке *Spe meliori amittitur bonum*.

Четвертое словарное определение слова враг ‘ненавидящий что-л., чувствующий отвращение к чему-н., противник чего-н.’ в качестве компонента поговорок отсутствует.

В то же время пятое значение, связанное с семантической мифологемой «враг» как ‘дьявол, черт’, в составе русской паремиологии довольно активно. Характерно, что многие «ипостаси» нечистой силы в зеркале поговорок органично вписываются в соответствующую «картину мира», созданную Н.И. Толстым в его очерках «Каков облик дьявольский?» (Толстой, 1976) и «Откуда дьяволы разные?» (Толстой, 1974). Так, дьявол:

– вездесущ и агрессивен: *Врагу места много* (ср. поговорку со словом «ворогуша» ‘враг, ворог’, ‘дьявол’, имеющим, как кажется, также «пространственное» значение: *В чужую часть не ворогушей (не ворогушею) впасть*);

– обладает недюжинной силой, принося несчастья, разрушения: *Силен враг и горами качает* [а людьми что вениками трясет] и др.;

– охотится за человеческими душами: *Враг рыщет, в душу лазейку ищет*;

– оборотень, то есть способен к перевоплощению и к превращению каких-л. существ в людей или животных: *Враг и таракана выдаст за великана* (ср. *Не смога со врага – да черта в рога; Покинь врага – возьми черта за рога*);

– боится осенения крестом, с ним могут помочь бороться обереги, запреты: *Не поминай врага, а то он тут же явится и сделает гадость; Закрести (перекрести) врага, и он присмирееет.*

К последнему типу можно, пожалуй, условно отнести и две пословицы, где враг выступает в облике волка: *Враг, что волк: без зубов не бывает; Не ставь врага овцою, а ставь волком.* Ср. также: *Волк кормленный, конь леченый, жид крещеный, да недруг замиренный; Не ставь недруга овцою, а ставь его волком; Не считай недруга овцою, считай волком.*

Здесь уместно вспомнить приводимый выше этимологический и мифологический параллелизм прасл. *vorgъ.

Заключение

Концепт «враг» и представленные им лексемы составляют активную часть фразеологического и паремиологического фонда русского языка. Слово «враг» (ворог), образующее основную часть этого фонда, сохраняет древние семантические импульсы прасл. *vorgъ и актуализируется в русских паремиях, особенно – в народных пословицах и поговорках. При этом семантические характеристики соответствующего лексикона во многом определяют коннотативный и аксиологический потенциал пословиц и поговорок. В то же время количественно и качественно они представлены в них по-разному. С одной стороны, такие различия наблюдаются в трех разных группах русской паремиологии: в составе устойчивых сравнений они относительно немногочисленны, в качестве компонентов фразеологизмов (resp. поговорок) семантически избирательны, как образные доминанты пословиц чрезвычайно активны и многоаспектны. Их образность, воспроизводящая как древнюю, так и современную семантику и коннотативность этого концепта, позволяет реконструировать яркий и многомерный «образ врага» в зеркале русского языка. Перспективой будущего исследования данной проблемы представляется широкое сопоставление русской паремиологии с пословицами и поговорками других языков и погружение в историко-этимологический анализ отдельных паремий, представляющий особый лингвокультурологический интерес.

Список литературы

- Балабас Н.Н.* Концепты «amitié» (дружба) и «hostilité» (вражда) во французском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 152 с.
- Кириллова Й.* Концепты «друг – враг» в болгарской языковой картине мира // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2013. № 8–2. С. 254–283.
- Кожевников А.Ю.* Словарь синонимов современного русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник. М.: ОЛМА медиагрупп, 2009. 800 с.
- Лунцова О.М.* Градиент-концепт «дружба – мир – вражда» в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии) : дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2007. 260 с.
- Мокиенко В.М.* Новая русская фразеология. Opole : Uniwersytet Opolski : Instytut Filologii Polskiej, 2003. 168 с.
- Мокиенко В.М.* Паремиологическое пространство лексико-фразеологического комплекса «ДРУГ» // *Время языка : сборник статей памяти профессора Владимира Викторовича Колесова*. СПб. : Златоуст, 2021. С. 246–272.

- Мокиенко В.М. Принцип лексикографической полноты и славянская фразеология // Славянская филология. 1999. Вып. 8. С. 56–70.
- Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М. : Высшая школа, 1989. 287 с.
- Орлов В.Ю. Языковая реализация концепта «враг/енему» // Успехи современного естествознания. 2013. № 8. С. 92–93.
- Похаленков О.Е. Концепт «враг» в творчестве Эриха Марии Ремарка и советской «лейтенантской прозе» 1950–1960-х гг. : контактные связи и типологические сходжения : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2011. 224 с.
- Толстой Н.И. Из заметок по славянской демонологии. Каков облик дьявольский? // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв. : материалы науч. конф. / под ред. И.Е. Даниловой. М. : Советский художник, 1976. С. 288–319.
- Толстой Н.И. Из заметок по славянской демонологии. Откуда дьяволы разные? // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. 1974. Т. 5. № I. С. 27–32.
- Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 242 с.

Сведения об авторе:

Мокиенко Валерий Михайлович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; научный руководитель Межкафедрального словарного кабинета имени профессора Б.А. Ларина, главный научный сотрудник Института филологических исследований, профессор кафедры славянской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; профессор Института славистики, Грайфсвальдский университет имени Эрнста Морица Арндта (Германия); почетный председатель Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов. *Сфера научных интересов*: славянская паремология, диалектная и ареальная фразеология славянских языков, сопоставительная фразеология, диалектология, лексикография. Автор более 700 публикаций в области лингвистики. ORCID: 0000-0002-0264-0576; SPIN-код автора: 10804012; Scopus ID: 55676245400. E-mail: mokienko40@mail.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-203-216

Research article

Image of the enemy in Russian phraseology and paremiology

Valery M. Mokienko

*Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia*

✉ mokienko40@mail.ru

Abstract. With the intensity of modern research devoted to the reconstruction of the linguistic world picture and cultural linguistics, such conceptual oppositions as “friend” – “enemy,” naturally, rose the scientific interest. The purpose of the study is a multifaceted semantic analysis of the concept “enemy” on the most complete Russian phraseological and paremiological material reflected in a three-volume dictionary. The corpus of these paremio-

logical dictionaries includes the classic collections of Russian proverbs and sayings, extracts from the latest dialect dictionaries and the records made by the compilers. With this approach, the concept “enemy” receives a detailed description, taking into account the entire set of paremiological variants. This ensures the possibility of structural-semantic modeling of the analyzed paremiology, and the dominants of the concept “enemy” are revealed. One of the tasks of the analysis is to determine to what extent and in what way the semantic characteristics of the lexeme “enemy” and some of its synonyms are implemented as part of three types of paremias – stable comparisons (comparatives), sayings (resp. phraseological units) and proverbs. The revealed semantic dominants correlate with the characteristics of the concept “enemy” in explanatory dictionaries. The proposed analysis shows that the concept “enemy” and its lexemes constitute an active part of the Russian phraseology and paremiology. The word “enemy” (vorog), which forms the main part of this fund, preserves the ancient semantic impulses and is actualized in Russian paremias. At the same time, the semantic characteristics of the corresponding lexicon largely determine the connotative and axiological potential of proverbs and sayings. However, quantitatively and qualitatively, they are represented in them in different ways. On the one hand, such differences are observed in three different groups of Russian paremiology: in stable comparisons they are relatively few in number, in phraseological units they are semantically selective, in proverbs they are extremely active and multifaceted. Their imagery, reproducing both ancient and modern semantics and connotation of this concept, allows to reconstruct a bright and multidimensional “enemy image” in the mirror of the Russian language.

Keywords: concept, friend, enemy, phraseology, paremiology, proverb, saying, structural-semantic model of paremias, Russian language

Article history: received 06.11.2021; accepted 18.12.2022.

Acknowledgments: The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”).

For citation: Mokienko, V.M. (2022). Image of the enemy in Russian phraseology and paremiology. *Russian Language Studies*, 20(2), 203–216. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-203-216>